

ТРАДИЦИИ И ПОИСК

НОВОСИБИРСКИЙ ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА В МОСКВЕ

Новосибирский балет не раз гастролировал в Москве, радуя зрителей широтой репертуара, масштабностью, внутренним темпераментом спектаклей. Он ставил своей задачей пропагандировать и достойно воплощать партитуры советских композиторов, произведения современной темы. Вместе с тем новосибирцы всегда придавали огромное значение шедеврам классического наследия — артисты неустанно совершенствовались исполнительскую технику, развивали чувство стиля с тем, чтобы как можно полнее и ярче раскрыть высокие гуманистические идеалы классических творений.

Классический репертуар оказался замечательной школой для танцовщиков, приблизил их к принципам и требованиям психологического театра. И не случайно, что и на афише нынешних гастролей из шести произведений три — лучшие образцы отечественной и мировой хореографии. Но первый же показанный спектакль — балет «Лебединое озеро» Чайковского — насторожил и озадачил: здесь коллектив словно отказался от своих творческих принципов и от эстетики балетного театра Чайковского, где все пронизано глубокой мыслью, тонким психологическим подтекстом, где царствует подлинная, величественная красота. Сам внешний облик нового произведения (художник А. Морозов) далек от стиля музыки, от смысла философской сказки. В сцене бала, например, причудливые сооружения покрыты золотом и серебром, золото видим мы и на костюмах всех гостей, всех персонажей. И хотя все блестит, все сверкает, атмосферы бала нет, как и нет романтической приподнятости в облике этого необычного торжества. Странно трактует партитуру Чайковского дирижер В. Коваленко. Оставим в стороне произвольное и необоснованное внезапное замедление или убыстрение темпа, сбивающее актеров, мешающее им точно доносить хо-

реографический текст. В Коваленко не стремится выявить философскую основу музыкальной драматургии, раскрыть психологическое начало образов.

Серьезные возражения вызывает и хореографическая партитура балета, если мозаику, составленную из танцев и сцен, принадлежащих разным авторам, дозволено назвать партитурой. На афише указано, что в новую редакцию театра включены фрагменты из композиции Л. Иванова, М. Петипа, А. Горского, В. Бурмейстера. Список этот следует пополнить именами А. Вагановой, Ф. Лопухова, К. Сергеева, Ю. Григоровича. Имена почтенные, уважаемые, но не слишком ли много для одного спектакля фрагментов, указанных и не указанных постановщиком К. Шатиловым? Следует упомянуть и о том, что некоторые из композиций восстановлены недостаточно точно (исключение составляет второй акт балета). Связующие звенья, мизансцены, танцы, сочиненные самим Шатиловым, стилистически пестры, разбивают спектакль на мелкие эпизоды, лишаящие действие логики и непрерывности внутреннего развития. Академично, музыкально исполняют женский ансамбль и обаятельная Л. Гершунова (исполнительница партии Одетты) танцевальные композиции Льва Иванова во втором акте. Но весь акт выглядит большим концертным номером, отрывком из настоящего спектакля. Столкновения стихий добра и зла в новосибирской постановке нет, ибо ясно очерченная и внутреннего смысла образы Зигфрида и Злого гения не имеют.

А вот в «Жизели» мы снова встречаемся с тем новосибирским театром, которому дороги не только красивые линии воздушного танца, законченные поэтические формулы классической хореографии, романтически таинственная атмосфера,

но и философское начало произведения. Трогательный образ Жизели создает Л. Гершунова. Сам характер ее танца, природные данные удивительно соответствуют этой партии. А. Бердышев (Альберт) в отдельных эпизодах спектакля находит верный ключ к раскрытию характера. Прекрасно справился со своей трудной задачей женский кордебалет — его строгие и четкое исполнение пронизано мыслью, поэтической одухотворенностью и прежде всего ощущением точного стиля романтической хореографии.

Балетмейстер Визана Гомес де Фонсеа Херардо в спектакле «Испанские миниатюры» соединяет танцы различных областей Испании, старается сюжетно связать отдельные эпизоды, наметить характеры. В лице Н. Фуралева, Л. Гусевой, А. Хмелева, И. Диденко, С. Колесника хореограф нашел темпераментных и достойных исполнителей, но в целом спектакль растянут, сюжетные коллизии, едва наметившиеся, распадаются и уступают место дивертисментному чередованию номеров. Далеко не все участники «Миниатюр» овладели стилем испанских танцев. Внешняя темпераментность придает композициям черты наигрыша, нарочитости, некоторые из них лишены изящества и хорошего вкуса. Прочтены постановщика и исполнителей значительно усугубляются кричаще-безвкусным оформлением художника А. Морозова.

Новосибирский театр любит произведения С. Прокофьева. Очевидно, стремление как можно глубже понять и ярче представить образы «Ромео и Джульетты» заставило коллектив вновь обратиться к гениальному творению композитора. Говоря о новом спектакле, осуществленном балетмейстером Н. Касаткиной и В. Васильевым, прежде всего хочется сказать об удивительном и чарующем звучании оркестра

под управлением И. Зака. Дирижер с необыкновенной проникновенностью выявляет глубину и мелодическую роскошь партитуры, прихотливую узорчатость и неповторимую прелесть самотынейшей прокофьевской оркестровки. Яркий и впечатляющий внешний облик балета. Художник И. Сумбатовский создает прекрасные декорации — их мрачноватый таинственный колорит, их суровость несут исторические приметы эпохи, помогают воссоздать атмосферу времени — жестокого, тревожного, вздыбленного. Сумбатовский дает возможность постановщикам строить непрерывное сценическое действие, мгновенно переносить события из дома Капулетти на площадь, из пиршественного зала или кельи патера Лоренцо на улицы Вероны. Этим своеобразием декоративного решения талантливо пользуются постановщики. Они ведут непрерывное сценическое повествование, органично вплетают дуэты и монологи в бурные массовые сцены. Сложнейшая сценическая партитура отличается удивительной организованностью, стилистическим единством, ясностью психологически многоплановых мизансцен. Хореографы ценят сценическую метафору, умело применяют ее. Концовки отдельных картин являются как бы сконцентрированной и образно представленной мыслью. Балет истинно театрален, что так соответствует требованиям Прокофьева. Цвета ярких и изобретательных костюмов подчеркивают архитектуру пластических композиций, завершающих их форму.

Артисты Л. Гершунова (Джульетта), А. Балабанов (Ромео), В. Ромм (Тибальд), Н. Фуралева (Кормилица), М. Сагун (сеньора Капулетти) отлично чувствуют стиль спектакля и точно воплощают балетмейстерский замысел. Но вместе с тем новая редакция прокофьевского балета вызы-

вает и возражения. Они касаются философской трактовки произведения. Вряд ли тема зла и вражды, как утверждают постановщики, является сегодня наиболее актуальной и поучительной в бессмертном творении Шекспира — Прокофьева: у них зло и вражда органически переплетаются с темой любви, темой нарождающегося нового мировоззрения, они поданы в единстве, борьбе, столкновении. В спектакле же тема любви не прозвучала утверждающе и поэтически приподнято. В ее изложении есть досадная скороговорка. И образ Меркуцио (А. Гумалевский) подается в спектакле совсем не в той тональности, в какой он изображен у Прокофьева. А сцена его гибели натуралистична, нарочито изобретательна, лишена того глубокого начала, лишеная которого подкашивается партитура Прокофьева и философской концепцией его драматургии.

В спектакле, особенно в его первой части, многое сделано с ориентировкой на известный одноименный итальянский фильм. А это, как нам кажется, внутренне разобщило постановщиков с Прокофьевым. У композитора кровавые схватки на улицах Вероны начинаются не из-за мальчишеского озорства и забиячества — они выражают законы страшного времени, против которых восстают Ромео, Джульетта, Меркуцио, патер Лоренцо. В спектакле причина конфликта не раскрывается.

На нынешних гастролях зрители познакомились с новым составом новосибирской труппы, члены которой почти все — выпускники местного хореографического училища. Хочется надеяться, что исполнительский стиль коллектива и его традиции, так четко определенные выдающимися мастерами старшего поколения, будут развиваться и умножаться талантливой молодежью.

Николай ЭЛЬЯШ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР.